

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИКА РОССИИ: РИСКИ И ДРАЙВЕРЫ РОСТА¹

GLOBAL CHALLENGES AND THE RUSSIAN ECONOMY: RISKS AND GROWTH DRIVERS

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

Директор Центрального экономико-математического института РАН, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Albert R. BAKHTIZIN

Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

Статья основана на докладе, представленном на VII Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ-2025). В работе анализируются ключевые компоненты национальной силы: демографический потенциал, миграционные риски, промышленная структура, макрорегиональные альянсы и валютный суверенитет. Используются методы многомерного анализа и межотраслевого моделирования. Делается вывод о необходимости координации политики правительства и Центрального банка, а также стратегического взаимодействия с формирующимися полюсами силы в Евразии, прежде всего Китае.

Abstract

The article is based on a keynote speech delivered at the VII Moscow Academic Economic Forum. It analyzes key components of national power: demographic potential, migration risks, industrial structure, macroregional alliances, and monetary sovereignty. The study applies multidimensional analysis and input-output modeling. The conclusion emphasizes the need for coordinated policies between the government and the Central Bank, as well as strategic alignment with emerging centers of power in Eurasia, especially China.

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № 075-15-2024-525 от 23.04.2024.

Ключевые слова Национальная сила, демография, миграция, промышленность, макрорегион, суверенитет, цифровая валюта, геоэкономика, интегральный индекс, стратегическое развитие.

Keywords National power, demography, migration, industrial structure, macroregion, sovereignty, digital currency, geoeconomics, composite index, strategic development.

В условиях геоэкономической фрагментации и демографического сжатия перед Россией встает задача переосмысления своей траектории устойчивого развития. Этот материал представляет собой обзор ключевых факторов, определяющих национальную силу — от демографического потенциала и миграционной политики до промышленной динамики, цифрового суверенитета и глобальных валютных трансформаций. В ходе доклада на МАЭФ-2025 были проанализированы вызовы и возможности, на которые должна опираться новая стратегия роста.

Одним из результатов работы нашего института, реализованного в сотрудничестве с Федеральной службой охраны и Институтом демографической политики при полномочном представителе Президента РФ по Центральному федеральному округу, стала методика оценки показателя национальной силы. 28 мая 2025 г. она была признана важнейшим достижением РАН в области общественных наук, и следует отметить, что это показатель не только научной значимости, но и стратегической актуальности.

Мы говорим об интегральном индексе национальной силы, который учитывает все: природные ресурсы, численность и структуру населения, научный и технологический потенциал, экономику, армию, территорию, устойчивость, уровень управления. В этом смысле ключевой экономической показатель — ВВП сегодня мало что объясняет, поскольку настоящая сила государства гораздо сложнее и многослойнее.

Разработка направлена не столько на составление рейтингов или сравнительных таблиц между странами, сколько на выявление совокупности факторов, определяющих устойчивость социально-экономических систем в долгосрочном периоде. Эти факторы одновременно могут быть как точками роста, так и уязвимыми зонами, особенно в условиях нарастания геополитического противостояния и рисков гибридных конфликтов.

По нашим оценкам, наибольшее значение среди анализируемых факторов имеют демографические и экономические параметры. Ресурсы, география, природные условия — все это важно, но ключевыми элементами устойчивости и развития остаются именно человек и экономика.

Демография: измерение потенциала и структурные риски

В рамках нашей работы особое внимание было уделено демографическим параметрам. Мы измеряли демографический потенциал через широкий набор показателей: не только численность населения, но и рождаемость, ожидаемую продолжительность жизни и другие характеристики.

Использовались различные методы: метод энтропийного взвешивания, метод главных компонент, межкритериальный корреляционный анализ. Все они хорошо

Рис.

известны и позволяют определить вес каждого показателя на основе статистических закономерностей, без субъективных экспертных суждений.

Результаты показали, что наибольший вес в формировании демографического потенциала дает численность населения — около 50% вариации данных по 193 странам. Однако второй по значимости фактор — это миграция. Другие показатели, включая рождаемость и продолжительность жизни, имеют меньшую дифференцирующую силу, хотя по-прежнему остаются важными для оценки внутреннего состояния демографической системы.

Миграция как фактор подрыва или усиления демографического потенциала

Россия занимает уникальное положение в глобальной миграционной системе. С одной стороны, страна входит в число крупнейших доноров международной миграции. С другой — является крупным реципиентом. Однако структура этого обмена крайне несбалансирована. Из страны уезжают преимущественно высококвалифицированные специалисты, а прибывают в основном выходцы из стран СНГ. На их долю приходится около 88% всех мигрантов, при этом лишь 8,8% имеют высшее образование. Для Таджикистана, основного миграционного донора, эта цифра еще ниже — около 5,3%².

Таким образом, наблюдается вымывание человеческого капитала и одновременное восполнение утрат за счет низкоквалифицированной рабочей силы. Это явление оказывает прямое влияние на демографический потенциал, подрывая устойчивость и конкурентоспособность страны в долгосрочной перспективе.

В этом отношении США реализуют принципиально иную модель. Привлечение высококвалифицированных кадров выведено на уровень государственной политики. Страна активно фильтрует миграционные потоки, «снимая сливки» с глобального рынка труда. Одновременно предпринимаются меры по ограничению притока неквалифицированных мигрантов из Латинской Америки — в том числе с помощью инфраструктурных барьеров и визовых ограничений. Такая селективная стратегия позволяет использовать миграцию как фактор развития, а не уязвимости.

² <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

В экономической литературе оценки последствий миграции неоднозначны. В ряде исследований постулируется безусловная полезность этого явления как для демографической системы, так и для увеличения темпов экономического роста. К примеру, в аналитических материалах МВФ утверждается, что увеличение миграционного притока на 1% может привести к приросту ВВП на 1% в течение пяти лет³. Однако эти выводы корректны только при определенных предпосылках: если миграционный приток обладает высоким уровнем образования, профессиональной подготовки и адаптивности.

В противовес этим оценкам все чаще звучат альтернативные данные. Так, по подсчетам Манхэттенского института, неквалифицированный мигрант, прибывший в США в возрасте после 55 лет, в среднем наносит бюджету ущерб около 400 тысяч долларов за весь период жизни в стране. В то же время молодой мигрант с ученой степенью может сократить дефицит бюджета более чем на 1 миллион долларов⁴. Аналогичные расчеты для европейских стран показывают: мигранты из экономически менее развитых регионов (Африка, Юго-Восточная Азия) увеличивают нагрузку на государственные финансы, в то время как мигранты из Северной Америки или ЕС, наоборот, создают положительный вклад⁵.

Долгосрочные риски: замещение и снижение позиций

Вопрос миграции нельзя рассматривать в отрыве от долгосрочных демографических трендов. Согласно прогнозам ООН, в ряде европейских стран мигранты первой и последующих волн к середине текущего века могут составить до 50% населения, вытесняя коренное большинство (табл. 1). Россия в этом смысле пока сохраняет относительную демографическую устойчивость, но прогнозы вызывают серьезные опасения.

Наши расчеты показывают: при сохранении текущих тенденций к концу XXI века миграционное население (включая потомков первой волны) может составить до 40% от общей численности. Одновременно произойдет снижение численности населения в целом и, как следствие, падение позиции России в глобальных рейтингах: с текущего 9-го места примерно до 20–22-й позиции. Наиболее тревожным является не само сокращение численности, а замещение высокообразованного ядра демографической системы низкоквалифицированным миграционным компонентом.

Геоэкономическая перестройка и макрорегионы будущего

На фоне нарастающих демографических дисбалансов и нестабильности глобальной экономики все большее значение приобретают макрорегиональные модели развития. Ключевой поворотной точкой стала торговая политика США, получившая в экспертных кругах неофициальное название «День освобождения Америки» — 2 апреля 2025 г. Введение агрессивных пошлин, давление на Федеральную резервную систему, обсуждение конфискации долгов иностранных инвесторов — все эти шаги наносят удар по международной роли доллара, подрывая его статус

³ <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth>.

⁴ <https://manhattan.institute/article/the-lifetime-fiscal-impact-of-immigrants>.

⁵ https://www.researchgate.net/publication/371951423_Borderless_Welfare_State_-_The_Consequences_of_Immigration_for_Public_Finances.

Таблица 1. Временной диапазон, в котором коренное население перестанет быть большинством (<50%) по отношению к мигрантам первой и последующих волн

Великобритания	2055–2060
Франция	2060–2070
Германия	2055–2065
Испания	2085–2100
Италия	2085–2100
Швеция	2035–2045

как глобальной резервной валюты. Это уже не временный дисбаланс, а симптом начавшегося распада монополярной финансовой архитектуры.

В преддверии визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву на парад Победы 9 мая 2025 г. ко мне обратилась одна из ведущих китайских деловых газет с просьбой дать экспертный комментарий о текущем моменте. Редакция сослалась на нашу раннюю совместную статью о торговых войнах и выразила солидарность с ее выводами. В опубликованном материале я отметил⁶, что последние десятилетия характеризовались накоплением ряда проблем, связанных с ростом долгов, торговых и финансовых дисбалансов и т.д., а также временным увеличением влияния одного из полюсов глобальной политики — США, что привело к усилению противостояния центров мировой силы из-за естественного желания разрешить возникшие вопросы за счет других стран (в первую очередь России, ЕС и африканских государств), а также ослабить основного конкурента — КНР.

Спектр инструментов давления на периферийные страны весьма широкий — информационные, военные, биологические, но нас в первую очередь интересуют экономические, которые включают в себя большой арсенал мер, направленных на усиление зависимости и торможение развития государств — объектов атаки. Среди них — неэквивалентный товарный обмен, навязанная денежно-кредитная политика, способствующая установлению невыгодного обменного курса, завышению процентной ставки, сокращению денежной массы, а также «удушению» производств с высокой добавленной стоимостью и др.

В этой связи становится чрезвычайно актуальным выстраивание эффективных коалиций стран как с точки зрения социально-экономического развития, так и с позиции противостояния внешней агрессии (к примеру, торговых войн).

Расчеты взаимного влияния от повышения пошлин между крупнейшими экономиками мира мы осуществляли с коллегами из КНР еще в 2018 г., во время первого раунда современной торговой войны. Как и тогда, свежие расчеты показали, что однозначных победителей в этом противостоянии нет, вопрос в степени ущерба.

Отметим, что экономики стран ЕС, в силу их большей открытости, в случае реализации отдельных элементов торговой войны (повышение пошлин, введение эмбарго и т.д.) являются более уязвимыми, чем экономики США, Китая и России.

⁶ <https://www.chinadaily.com.cn/a/202505/08/WS681bec34a310a04af22bdfc5.html>.

Вообще, торговый дефицит США всегда был надежным базисом для мировой гегемонии доллара и эффективным инструментом экспансии этой страны в мировой экономической системе. Стремясь сократить дефицит, тем самым США будет сужать канал поступления долларов во внешний мир, в том числе используемых как инструмент для сбора технологической ренты с государств, в которых курс национальной валюты искусственно занижен.

Увеличенные тарифы позволят дополнительно пополнить бюджет США, но, с другой стороны, приведут к росту инфляции — таким образом, прирост доходов бюджета будет происходить за счет американских граждан, а не предприятий других стран.

Рост цен приведет к увеличению ключевой ставки, что, в конечном счете, приведет торможению экономического роста и дополнительным расходам бюджета на обслуживание госдолга.

Таким образом, относительный «выигрыш» США в краткосрочном периоде будет нивелирован отрицательными эффектами в среднесрочном и долгосрочном будущем.

Экспорт товаров из США в Китай в 2024 г. составил 143,5 млрд долларов США (на 2,9% меньше, чем в 2023 г.), а экспорт товаров из Китая в США за тот же период составил 438,9 млрд долларов США (на 2,8% больше значений предыдущего года). Таким образом, дефицит торговли товарами США с Китаем в 2024 г. составляет 295,4 млрд долларов США, что на 5,8% больше, чем в 2023 г.⁷

Большинство оценок также сводится к тому, что объем товарооборота, как и торговый дефицит, будут сохраняться на прежнем уровне.

Что касается торговой войны, то наши расчеты показали меньший ущерб для экономики КНР — снижение ВВП Китая на 0,2 процентных пункта относительно базового варианта, а для США на 0,8 процентных пункта.

За последние десять лет торговля между Россией и Китаем вышла за рамки прежней схемы «сырье — потребительские товары». Хотя энергоносители по-прежнему играют ключевую роль, вектор сотрудничества уверенно смещается в сторону диверсификации: в центре внимания — сельское хозяйство, машиностроение, высокие технологии, цифровая инфраструктура и зеленая экономика. Эта трансформация обусловлена не только политическими обстоятельствами, но и внутренними изменениями в экономических моделях обеих стран. Однако куда важнее другое: Китай и Россия, расширяя торгово-промышленную кооперацию, начинают формировать новую макрорегиональную модель развития — альтернативу западной глобализации.

Согласно данным Главного таможенного управления Китая, по итогам 2024 г. товарооборот между двумя странами достиг рекордных 244,8 млрд долл., что на 1,9% больше, чем в 2023 г.⁸

Главным фактором перемен стала перестройка глобальных логистических и финансовых цепочек, вызванная санкционным давлением на Россию и набирающей силу технологической изоляцией Китая со стороны США. Обе страны ускорили переход к расчетам в национальных валютах и запустили масштабные инфраструктурные проекты.

⁷ <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>.

⁸ <https://www.reuters.com/markets/china-russia-2024-trade-value-hits-record-high-chinese-customs-2025-01-13/>.

Снижение спроса на нефть в Европе и развитие «зеленой» энергетики подталкивают Россию к поиску новых экспортных направлений. В этом контексте Китай становится не только ключевым потребителем ресурсов, но и технологическим партнером.

Развитие российско-китайской кооперации невозможно понять в отрыве от широкой трансформации глобального экономического устройства. Мы живем в эпоху геоэкономической фрагментации – распада прежней модели глобализации на замкнутые макрорегионы, каждый из которых стремится к максимальной самодостаточности.

США стремятся выстроить собственный макрорегион, в который войдут Канада, Мексика, страны Латинской Америки, с населением около 1 млрд человек, способным быть самодостаточным – энергетически, технологически, финансово. ЕС пытается сохранить свою модель, но сталкивается с нехваткой сырья, стареющим населением и зависимостью от внешних поставок. Индия развивает собственный путь, лавируя между центрами силы.

На этом фоне союз Китая и России представляет собой особую конфигурацию: территориально, ресурсно и логистически они образуют замкнутую систему. Китай – индустриальное и технологическое ядро, Россия – энергетическая и сырьевая база, обладающая уникальными возможностями в оборонной, атомной и аграрной сферах. Вместе они образуют не просто зону торговли, а фундамент для полноценного макрорегиона нового типа. Суммарная численность населения потенциального блока (Китай, Россия и ближайшие союзники) может превышать 1,6 млрд человек. Это уже не периферия, а собственный мир.

Важно, что этот макрорегион выстраивается не на основе подчинения, как в колониальных или финансово-зависимых системах, а на принципе взаимодополняемости. Китай закрывает высокотехнологичные цепочки, Россия обеспечивает ресурсную, энергетическую и логистическую основу. В условиях, когда прежняя финансовая архитектура рушится под весом санкций, блокировок и политического давления, КНР и РФ переходят к расчетам в национальных валютах, разрабатывают собственные цифровые платформы и создают альтернативы западным институтам.

Если тенденция фрагментации мира продолжится, Китай и Россия могут не только сохранить свой тандем, но и превратиться в центр притяжения для стран, ищущих альтернативу старым правилам игры. В этом смысле евразийский макрорегион – это не «анти-Запад», а самостоятельный проект, основанный на прагматизме, технологическом расчете и общей логике выживания в турбулентном мире. От экономического партнерства двух держав шаг за шагом рождается альтернативная ось развития, способная стать одним из новых центров мировой системы.

Таким образом, укрепление связей между Россией и Китаем – это не только ответ на внешнее давление, но и задел на создание суверенной, самодостаточной макрорегиональной архитектуры в эпоху постглобализма.

Инвестиции в будущее: рождаемость и демографическая политика

Внутренним фундаментом стратегической устойчивости остается человек. Одним из критических направлений демографической политики должно стать стимулирование рождаемости. Наш Институт провел количественную оценку эффективности таких мер. Основной вывод – только финансовое стимулирование

способно дать ощутимый эффект. Оно формирует базовую стабильность, необходимую для принятия решения о рождении ребенка.

Комплекс других мер также важен — улучшение инфраструктуры, доступность медицины и образования, гибкость трудового законодательства. Но без прямого участия государства в форме регулярных выплат результат будет ограничен. По оценкам, достижение суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1,8 к 2036 г. потребует ежегодных вложений порядка 4,4 трлн рублей, что составляет около 2,2% ВВП. Эти расходы следует рассматривать не как бремя, а как стратегические инвестиции.

Важно учитывать и структуру возраста населения. Повышение пенсионного возраста при низком возрасте дожития — мера крайне болезненная. В большинстве стран мира аналогичная ситуация приводит к непопулярным решениям: повышению налогов, снижению пособий, активному привлечению мигрантов. Однако без укрепления здоровья, увеличения продолжительности жизни и повышения качества жизни такие меры остаются тактическими, а не стратегическими.

Заканчивая этот блок вопросов, отмечу, что комплексная оценка национальной силы требует выхода за рамки привычных экономических индикаторов. Демография, миграция, геоэкономическое положение и цифровой суверенитет — все это формирует основу устойчивости. Россия не должна воспринимать себя как периферию — напротив, именно регионы и научно-технологические центры могут стать точками роста, опорой нового евразийского макрорегиона.

Промышленная структура: рост без опоры на акселераторы

Текущая динамика российской промышленности демонстрирует разнонаправленные тенденции. По итогам января — апреля 2025 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, наблюдается рост обрабатывающих производств на 4,2%, но он сопровождается снижением в ключевых сырьевых секторах:

- добыча полезных ископаемых: –3,0%;
- производство и распределение энергии: –2,7%.

Однако главное — не в цифрах, а в структуре изменений. Из 24 основных промышленных отраслей 12 продолжают рост, а 12 уже ушли в отрицательную зону (табл. 2). При этом в зону снижения попали отрасли с наибольшим мультипликативным эффектом, то есть те, которые обеспечивают распространение роста на другие секторы экономики. Мы провели такой расчет с использованием модели межотраслевого баланса, что позволило выделить так называемые индустриальные акселераторы — отрасли, «тянущие» за собой целые технологические цепочки. Сегодня именно эти ключевые отрасли демонстрируют спад:

- производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов: –10,8%;
- производство резиновых и пластмассовых изделий: –1,6%;
- производство машин и оборудования: –1,5%.

Это не просто статистические колебания — это сигнал о сбое в системе экономической координации. Центральный банк, удерживая ключевую ставку на уровне 21% (а позднее снизив ее до 20% — что стало скорее косметической мерой), продолжает проводить жесткую монетарную политику. При этом правительство, напротив, усиливает поддержку промышленных отраслей и запускает целевые программы стимулирования.

Таблица 2. Динамика промышленного производства в январе–апреле 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (жирным шрифтом выделены индустриальные акселераторы)

Отрасли, показавшие рост		Отрасли, снизившие объемы производства	
1	производство прочих транспортных средств и оборудования (+)32,1%	1	производство кожи и изделий из кожи (–)17,9%
2	производство лекарственных средств и материалов (+)17,3%	2	производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (–)10,8%
3	производство готовых металлических изделий (+)15,5%	3	добыча прочих полезных ископаемых (–)5,9%
4	выпуск компьютеров, электронных и оптических изделий (+)14,0%	4	производство прочей неметаллической минеральной продукции (–)5,8%
5	ремонт машин и оборудования (+)11,1%	5	металлургическое производство (–)4,1%
6	добыча угля (+)3,6%	6	производство одежды (–)2,6%
7	производство химических веществ и химических продуктов (+)3,4%;	7	производство мебели (–)1,6%
8	производство текстильных изделий (+)3,2%;	8	производство резиновых и пластмассовых изделий (–)1,6%
9	производство прочих готовых изделий (+)2,7 %	9	производство машин и оборудования (–) 1,5%
10	добыча металлических руд (+)2,6%	10	обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки (–)0,6%
11	производство табачных изделий (+)1,8%	11	производство бумаги (–)0,6%
12	производство кокса и нефтепродуктов (+)0,5%	12	производство продуктов питания (–)0,4%, напитков (–)5,0%

В результате формируется противофазность усилий:

- фискальные стимулы дают импульс;
- но монетарные ограничения тут же гасят его, особенно в инвестиционно-чувствительных отраслях.

Это лишает экономику стратегической направленности: деньги не доходят до тех точек, где они приносят наибольший эффект. А именно механическое оборудование, транспорт, машиностроение – те сегменты, которые в условиях демографического спада и ограниченного предложения рабочей силы должны были бы становиться опорой для повышения производительности труда.

В этой ситуации ключевой задачей становится макрополитическая синхронизация: без согласованных действий Банка России и Правительства РФ национальная сила в промышленном измерении теряет инерцию роста.

Технологический суверенитет как системная основа национальной силы

В контексте вышесказанного важно отметить, что технологическая независимость — ключевое условие долгосрочной устойчивости. В условиях глобальной нестабильности и цифровой фрагментации именно технологическая зависимость становится одной из главных уязвимостей для национального государства. Операционные системы, облачные сервисы, ИИ-модели, коммуникационные протоколы — значительная часть критической цифровой инфраструктуры в мире остается под контролем транснациональных корпораций, находящихся за пределами российской юрисдикции.

В такой ситуации уже недостаточно просто «догонять». Требуется построение полноценного технологического суверенитета. Это не только разработка собственных программных и аппаратных решений, но и формирование сети доверенных поставщиков, защищенных каналов связи, независимых финансовых шлюзов и цифровых платформ.

Именно на этом основан один из важнейших проектов последних лет — развертывание сети региональных центров управления в особых ситуациях, рассчитанных на обеспечение функционирования силовых структур, органов власти и критически важных служб. Эти центры строятся на базе отечественных процессоров «Эльбрус» и доверенных программно-аппаратных комплексов, разработанных в рамках импортонезависимой архитектуры. Наш Институт входит в Московский научно-промышленный кластер двойного назначения «Российские программно-аппаратные комплексы», работающий как механизм построения региональных центров управления и критической информационной инфраструктуры оборонно-промышленного комплекса.

Создание таких решений позволяет не только обеспечить устойчивость в условиях внешнего давления, но и сформировать фундамент для дальнейшего развития — в оборонной сфере, в гражданской промышленности, в образовании и здравоохранении. Таким образом, технологическая независимость становится не просто задачей ИТ-сектора, а структурным элементом национальной силы.

Роботизация и автоматизация: потенциал модернизации российской экономики

Рост производительности труда — важнейшее условие укрепления экономического потенциала страны. Однако текущий уровень автоматизации в России остается крайне низким. Согласно данным Международной федерации робототехники (IFR)⁹, средняя плотность промышленных роботов в мире достигла 162 единиц на 10 000 работников. У стран-лидеров показатели в разы выше:

- Южная Корея — 1012;
- Сингапур — 770;
- Китай — 470;
- Германия — 429;
- Япония — 419.

⁹ <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/global-robot-density-in-factories-doubled-in-seven-years>.

В России — всего 19 роботов на 10 000 занятых в промышленности. Это означает, что значительная часть производства по-прежнему остается трудоемкой, подверженной колебаниям занятости и менее конкурентоспособной.

Учитывая размеры территории и сложную логистику, повышение автоматизации в России — не вопрос престижа, а фактор выживания. Именно автоматизация позволяет компенсировать дефицит рабочей силы, связанный с демографическим спадом, особенно в удаленных и приграничных регионах. Особенно перспективным является внедрение робототехники в сельское хозяйство, транспортную логистику, горнодобывающую отрасль и производство товаров двойного назначения.

При системной поддержке и налоговых стимулах возможно довести уровень роботизации до 100–150 единиц к 2035 г. Это даст экономике не только рост эффективности, но и устойчивость в условиях нестабильной демографической базы и глобальных разрывов цепочек поставок.

Монитор доминирования доллара и архитектура валютного суверенитета

Ослабление доллара как глобальной резервной валюты перестает быть спекуляцией и становится устойчивым трендом. Одним из наиболее авторитетных источников мониторинга этого процесса стал проект Atlantic Council — Dollar Dominance Monitor¹⁰, отслеживающий поведение ключевых макроэкономических и геополитических индикаторов, связанных с глобальной ролью доллара США.

Данные за последние годы показывают, что доверие к доллару подрывается не только со стороны конкурентов США, но и изнутри — за счет непредсказуемой бюджетно-налоговой политики, политизации финансовой инфраструктуры и инструментов санкционного давления. Особенно резонансными стали события 2025 г. — резкое усиление протекционистской политики Вашингтона, атаки на независимость ФРС, обсуждение возможности конфискации активов иностранных инвесторов. Эти шаги подрывают ключевое преимущество доллара — «премиум доверия» как якоря глобальной системы.

На этом фоне возрастают риски фрагментации мировой валютной архитектуры. Впервые за несколько десятилетий в экспертных кругах серьезно обсуждается возможность перехода от однополюсной модели к многополярной валютной системе, в которой ни одна валюта не обладает абсолютным господством.

Согласно результатам исследования МВФ «Geopolitical Proximity and the Use of Global Currencies»¹¹, проведенного на базе данных по 125 странам за почти десятилетний период, в условиях усиления геополитического напряжения страны начинают диверсифицировать валютные резервы и искать более политически нейтральные инструменты расчетов. Один из выводов исследования: чем выше геополитическая близость к Китаю, тем выше вероятность использования юаня в трансграничных платежах и формирования расчетной инфраструктуры вне зоны доллара.

На этом фоне Россия получила окно возможностей для укрепления финансового суверенитета:

■ развитие внутренних механизмов расчетов в национальной валюте (цифровой рубль, СПФС);

¹⁰ <https://www.atlanticcouncil.org/programs/geoeconomics-center/dollar-dominance-monitor/>.

¹¹ <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/09/06/Geopolitical-Alignment-and-the-Use-of-Global-Currencies-554242>.

- расширение расчетов в юанях, рупиях и других валютах;
- переход к биржевой торговле без привязки к доллару;
- наращивание золотовалютных резервов вне американской юрисдикции.

С 2018 г. все страны БРИКС, включая Россию, ускоренно пополняли свои золотые запасы — и это происходило на фоне высоких цен, что указывает не на спекулятивную, а на стратегическую мотивацию¹². Снижение доли доллара в резервах и расчетах — не антисистемный жест, а прагматичный ответ на растущие риски финансовой уязвимости.

Пространственное развитие: регионы как опорные зоны макрорегиона

Один из центральных вызовов для России — преодоление территориального дисбаланса. При самой большой территории в мире значительная часть страны остается слабо заселенной и слабо вовлеченной в экономические процессы. Более 24 тысяч сел за последние 20 лет полностью обезлюдели. Население сосредоточено в нескольких мегаполисах, формируя эффект «точек света на темной карте».

Между тем в условиях складывания новых макрорегиональных моделей Россия способна превратить свои регионы из периферии в точки стратегического роста.

- Дальний Восток — ворота в Азию, ключ к сопряжению с Китаем.
- Урал — индустриальное ядро, инженерный центр.
- Южная Сибирь — потенциальная транспортно-логистическая платформа евразийского коридора.
- Северо-Запад — зона инновационного взаимодействия с Арктикой и Балтийским макрорегионом.

Это требует новой политики — не уравнилительной, а институционально стимулирующей. Налоговые льготы, ускоренные регуляторные режимы, экспортно-кредитные инструменты и цифровая инфраструктура должны быть нацелены на формирование в регионах хабов устойчивости (логистических, производственных, исследовательских).

Россия не должна быть «страной одного города». Потенциал национальной силы реализуется тогда, когда территория становится активом, а не пассивом. И именно в связке с партнерами в Евразии — прежде всего Китаем, регионы России способны стать ядром макрорегиона нового типа, альтернативного западноцентричной глобализации. Таким образом, национальная сила России в XXI веке будет определяться не только ресурсной базой и внешнеполитическими альянсами, но прежде всего, качеством институтов, стратегическими целями и способностью адаптироваться к новым геоэкономическим реалиям.

Контактная информация / Contact information

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
117418 Москва, Нахимовский проспект, 47
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences
47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia
Бахтизин Альберт Рауфович / Albert R. Bakhtizin
albert.bakhtizin@gmail.com

¹² <https://www.atlanticcouncil.org/programs/geoeconomics-center/dollar-dominance-monitor/>.